

A close-up, black and white portrait of a middle-aged man with short, slightly graying hair. He is wearing thick-rimmed black glasses and a dark, textured jacket over a light-colored shirt. He has a serious, contemplative expression, looking directly at the camera. The background is dark and out of focus.

**АЛЕКСАНДР
ЗВЯГИНЦЕВ**

**ЭТА ЖЕНЩИНА
БУДЕТ МОЕЙ**

Когда человек перестает влюбляться, он стареет.

Александр Григорьевич Звягинцев

Эта женщина будет моей

Серия «Валентин Ледников», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183756

Эта женщина будет моей / Александр Звягинцев: ОЛМА Медиа Групп;

Москва; 2020

ISBN 978-5-386-12787-9

Аннотация

Полюбить – так королеву, рисковать – так головой!

Главному герою этого романа Валентину Ледникову, в прошлом прокурорско-следственному работнику, а ныне автору исторических произведений и злободневных расследований, это известно лучше, чем кому-либо. В Париже у него возникли романтические отношения с женой самого президента Франции. Той самой, о которой французский президент, впервые увидев ее, сразу сказал: «Эта женщина будет моей».

Любовная история вовлекла Ледникова в чудовищную интригу, которую плетут вокруг первой леди страны злобствующие заговорщики...

В романе сплелись воедино государственные тайны и человеческие страсти, благородные и низменные. А действующие лица: политики, агенты спецслужб, криминальные авторитеты,

авантюристы, обычные люди и даже подонки, мнящие себя сверхлюдьми, обречены быть их безропотными жертвами.

Но Ледников не годится на роль жертвы или просто свидетеля преступлений. Уклоняться от судьбы, требующей вступить в схватку, по его убеждению, трусость и грех. Он не боится, как говорят французы, *mettre la main au feu* – положить руку на огонь!

Таково жизненное кредо и самого автора романа. Ведь в свое время, находясь по долгу службы в командировках, многие события, описанные в романе, он видел собственными глазами и хорошо знал тех лиц, которые потом стали героями и антигероями его произведений...

Роман «Эта женщина будет моей» переведен на несколько европейских языков. Представлялся на многих книжных ярмарках за рубежом. Издавался в Швейцарии, Франции, дважды в Латвии. Он был подарен прообразу главной героини романа, которая в ответ прислала автору свое автобиографическое произведение. В посвящении она написала: «Моему другу Александру... От Сесиль».

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	55
Глава 7	65
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Александр Звягинцев

Эта женщина будет моей

Какая странная история – это неожиданное знакомство и спонтанная близость! Оно было какое-то бунинское, способное и готовое оборваться в любой момент. Просто мужчина вдруг почувствовал непреодолимое влечение к женщине, пребывающей волей судьбы на головокружительной высоте и в то же время одинокой, встревоженной и даже напуганной надвигающимся будущим. А женщине вдруг показалось, что она неожиданно встретила человека, который поможет хоть на какое-то время избавиться от тревог и страхов. Хоть на какое-то время, хоть ненадолго...

А. Г. Звягинцев

Событий, описанных в романе, в действительности не было. Но действительность такова, что они вполне могли быть.

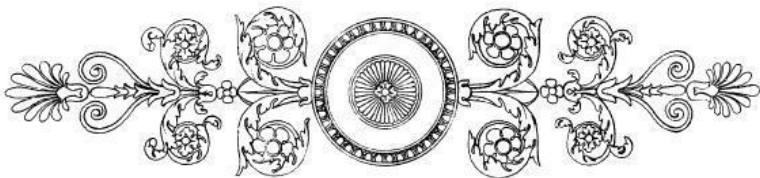
РИПОЛ
КЛАССИК

© Звягинцев А. Г., 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Глава 1

Юрий Иноземцев. *Mettre la main au feu*¹. Положить руку на огонь

– Клер, вам не показалось, что этой ночью в Париже отвратительно пахло дымом и гарью?

– Дымом? – рассеянно переспросила Клер.

Она была занята финансовыми счетами за последний месяц, так что ей было не до такой химеры, как дым.

– Дымом, Клер, дымом! Неужели вы не почувствовали смрад от горячей резины? Не слышали хруст разбитого стекла под ногами? А рев полицейских сирен? А вопли избиваемых и стоны раненых? Неужели вы не слышали ничего, милая моя Клер?

¹ В названии глав использованы французские идиомы (присущие только данному языку обороты речи) и фразеологизмы (устойчивые словосочетания) разных эпох. – *Прим. автора.*

Она наконец подняла голову и озабоченно посмотрела на Иноземцева. Его непривычная взволнованность все-таки была замечена.

— Вы, наверное, имеете в виду эти беспорядки в пригородах? — доброжелательно, но сухо, как врач у больного, спросила она.

— Да, Клер! Именно про эти так называемые беспорядки в пригородах я говорю. Il y a quelque chose qui crame! В этих пригородах есть что-то такое, что может гореть! Да что гореть — пылать огнем испепеляющим, аки в геенне огненной. Беспорядки! — горестно воздел руки к потолку Иноземцев. — Это не беспорядки, радость моя! Это погромы с применением оружия! Это бунт новых варваров, которым ничего не дорого в прекрасном Париже! Нашествие дикарей, которым священные камни Европы нужны только для того, чтобы бить ими по головам полицейских.

— Вы же знаете, я живу в шестнадцатом районе, а у нас ничего подобного не бывает, патрон.

— Пока не бывает, Клер! — не желал успокаиваться Иноземцев. — Пока. А если эти банды придут одной прекрасной ночью к вам? В ваш замечательный буржуазный шестнадцатый? Что тогда? Придется, как говорится, положить руку на огонь... Mettre la main au feu! — повторил он с нажимом. — И хорошо еще, если только руку.

Клер на секунду задумалась, а потом решительно потрянула своей очаровательной головкой.

– Я уверена, ничего подобного не случится. Наш президент сказал, что порядок будет быстро восстановлен. Все меры уже приняты.

– Но завтра все может повториться, радость моя! Потому что...

– Президент сказал: будет сделано все возможное, чтобы эти молодые люди, которые устраивают погромы, стали достойными членами нашего общества.

Иноземцев невольно улыбнулся.

– Достойный член – это звучит, Клер! – похвалил он. – Но, боюсь, все не так просто. Ведь они ненавидят во Франции все! Они чувствуют себя здесь врагами! Они хотят завладеть вашими богатствами, потому что считают, что имеют на них право.

Но Клер была непреклонна и неуязвима для его провокаций.

– Президент пообещал, что будет выделено достаточно средств, чтобы они почувствовали себя настоящими французами. Гражданами, у которых есть права и обязанности.

– Ну конечно, вы собираетесь купить их души! – демонически расхохотался Иноземцев. – Но самое занятное, радость моя, состоит в том, что они не хотят быть французами. Это их родители, приехавшие из Африки, готовы были на все, чтобы стать французами. А они, их дети...

– Не хотят быть французами? – Клер посмотрела на него с искренним недоумением.

Разумеется, поверить в это Клер не могла. Разве может кто-нибудь не хотеть быть французом? Ну только если американец какой-нибудь!

– А чего же они хотят? – высокомерно осведомилась она.

– Они хотят получить свою долю богатств прекрасной Франции! – наставительно сказал Иноземцев, остановившись прямо перед нею. – Но вот добропорядочными французами, которые знают свой долг и обязанности, они быть не желают...

Милое личико Клер мигом окаменело. Еще бы, как можно не хотеть быть истинным французом и выполнять свои обязанности!

– Президент...

Иноземцев не дал ей договорить.

– Вашего замечательного президента, дорогая Клер, сегодня больше заботят другие проблемы. Слухи о том, что в его отношениях с мадам Николь все очень неблагоприятно, раздаются чаще и чаще.

– Слухи, – брезгливо поджала чуть накрашенные губки Клер. – А то вы не знаете, чего стоят эти слухи!

У милой Клер были очень сложные отношения с семьей президента. Она являлась его преданной поклонницей и сторонницей, однако к его супруге она относилась совсем не одобрительно и считала, что та плохо выполняет обязанности первой леди страны. В душе она, конечно, хотела бы, чтобы президент бросил недостойную его супругу, но в то

же время она была вынуждена защищать высокое семейство, ибо тень любых подозрений затрагивает в первую очередь честь и достоинство президента, делает его светлый образ не столь блистательным и безукоризненным.

Любопытно, знает ли малышка такую историю про своего любимца? На следующий день после ужина, на котором знаменитый богач и жуир Франк Лефлер познакомил его со своей любовницей Николь, президент, тогда еще только министр внутренних дел, вызвал к себе своего заместителя. Тот в свое время тоже был любовником мадам Николь и весьма любил сим обстоятельством похвастаться. Президент, уже слышавший эти откровения, и вызвал заместителя именно для того, чтобы тот поведал ему о мадам Николь во всех подробностях. До каких подробностей они тогда договорились, Иноземцев точно не знал, но сама по себе ситуация казалась ему весьма забавной и типично французской. Кстати, подробностями президент остался, видимо, доволен. Потому как вроде бы именно тогда была произнесена ставшая знаменитой фраза: «Cett femme sera a moi!» – «Эта женщина будет моей!».

Президент угадал, что именно Николь нужна ему в тот момент, когда он готовится к решающему сражению за Елисейский дворец. Мадам Николь, надо отдать ей должное, сыграла громадную роль в его пути наверх. В дни поражений, сомнений и тягостных раздумий именно она убеждала его, что надо продолжать борьбу, надо идти вперед, быть упорным

и упертым. Всегда вперед! И никогда не отречься от своих целей. Никогда не верить в дурные предсказания других людей, даже самых близких. Даже если судьба безжалостно швыряет тебя из стороны в сторону. Даже если ты обманываешься и заблуждаешься на свой счет...

В общем, мадам Николь была, что и говорить, женщиной незаурядной. Но, когда они с мужем оказались на желанной вершине, выяснилось, что ей там совсем не нравится. В отличие от президента, который не мог понять, что так не устраивает Николь в их новой жизни на вершине власти и славы...

«Ах, Клер, радость моя! Я читаю в твоей душе, словно в раскрытой книге», – с грустью и умилением подумал Иноземцев. Она появилась несколько лет назад, когда финансовые дела его антикварного салона «Третий Рим» представлялись уже окончательно и безнадежно запутанными. Произошло это в силу того, что Иноземцеву было совсем не до них. Он даже подумывал о том, не продать ли «Третий Рим», в полной убежденности, что «четвертому не быти». Хотя он нанимал Клер простой продавщицей, уже через несколько месяцев она прибрала все дела «Третьего Рима» в свои красивые, холеные, но чрезвычайно цепкие ручки.

Клер была потомственной парижской продавщицей, поэтому относилась к счетам, чекам и прочим деловым бумагам с бесконечной серьезностью и уважением. Легкомысленное отношение к ним она решительно осуждала и попросту

не понимала. И даже если бы Иноземцев раскрыл ей страшную тайну, что салон для него лишь игрушка, ширма, за которой он занимается своими основными делами, она все равно не поняла бы, как можно вести дела с такой небрежностью.

В общем, очень скоро Клер стала главным человеком в «Третьем Риме», чему Иноземцев был несказанно рад. При этом его авторитет остался в ее глазах абсолютен и непоколебим. Не только потому, что она ясно понимала, что без него, Юрия Алексеевича Иноземцева, потомка старинного русского дворянского рода, его связей по всему миру салон «Третий Рим», специализирующийся на русской старине, не способен существовать, но и потому, что он был мужчиной, которому она отдает должное и которому не считает зазорным повиноваться, несмотря на все его недостатки и слабости. В ее иерархии Иноземцев пребывал где-то совсем рядом с самым президентом, что его порядком забавляло.

Клер еще очень молода, одевается как истинная парижанка, у нее ладная фигурка с замечательной попкой, живое, выразительное лицо, темные глаза, а волосы всегда такие, будто она только что из парикмахерской, причем никаких усилий на сей счет она не делает. И, разумеется, свершилось неминуемое – после какой-то очень удачной сделки, которой она весьма гордилась, Иноземцев пригласил ее в ресторан, а потом они провели вместе ночь. Все произошло необыкновенно мило. К ночи любви она отнеслась с той же энерги-

ей и увлеченностью, с какой занималась финансами. Ее желание доставить радость и удовольствие было замечательно искренним. И главное – утром она не обнаружила никакого стремления что-то изменить в их отношениях. Никаких поползновений. Что не могло не порадовать Иноземцева. Они даже остались на «вы», и он находил в этом некую пикантность. Время от времени они устраивали себе подобные маленькие развлечения.

С неподдельным сожалением Клер отказалась от «мероприятия» лишь однажды. Но причина была действительно уважительная – большой ужин в семье ее жениха Паскаля. Связь с Иноземцевым, как выяснилось сразу, к этому не имела, в ее понимании жизни, ровно никакого отношения. Этот самый Паскаль был потомственным официантом, мечтавшим устроиться в какой-нибудь по-настоящему шикарный ресторан. Свадьба с Клер должна была последовать сразу за осуществлением этой мечты, сулившей финансовую стабильность семье.

Когда Иноземцев случайно узнал об этом, у него с Клер состоялся лирически-деловой разговор. Он сказал ей, что может устроить Паскаля в одно из серьезных заведений, где у него есть хорошие знакомые, к тому же кое-чем ему обязанные. Но он решительно не хочет расставаться с ней самой. Для него будет большим ударом, если она после свадьбы решит уйти из «Третьего Рима». На глазах у Клер тогда появились слезы, чего Иноземцев совсем не ожидал. Она сказала,

что по собственной воле не уйдет из салона никогда, потому что работа здесь делает ее жизнь совсем иной... И даже когда она будет беременна и занята потом с маленьким ребенком, она сама найдет себе замену на это время. Более того, она уже знает, кого сможет рекомендовать на свое место. Но только на время! Потому что потом она обязательно вернется.

Иноземцев слушал Клер и поражался такому органическому соединению практичности и страстности в одной душе. Не зря эта душа была совершенно французской.

Когда он уладил вопрос с трудоустройством Паскаля, Клер сообщила, что на семейном совете они решили отложить свадьбу до покупки приличной квартиры. И в ближайшее время она продолжит свои труды во имя процветания «Третьего Рима». Ему оставалось только благодарно поцеловать ее в чистый лобик, за которым зрели столь замечательные мысли.

– Я иду к себе, Клер, – объявил Иноземцев. Обсуждать будущее всяких неблагодарных голодранцев в прекрасной Франции ему уже наскучило – не до них.

– Хорошо, патрон.

– Да, к нам сегодня вечером должен заехать мсье Ледников. Это мой московский друг...

– Я помню мсье Ледникова – вы нас познакомили в прошлом году, когда он был в Париже. Его зовут Валентин. Он мне

понравился.

– Ну еще бы! – засмеялся Иноземцев. – Давненько мне не приходилось встречать женщину, которой бы не понравился Валька. Женщины что-то в нем находят... Никак не могу понять, что именно? А то бы воспользовался его методом.

– У вас не получится, патрон, – безапелляционно заявила Клер.

– Ого! Это еще почему? – притворно насупился Иноземцев.

– Просто женщины чувствуют в мсье Ледникове человека, который готов их понять. И может понять. Это очень важно для женщины.

– А я? Я что – не могу?

– А вы безразличны к их чувствам, – безжалостно отрезала Клер. – Вы слишком заняты своими. Вам не до женщин.

– Клер, что я слышу?

– Правду, – хладнокровно объяснила она. – Нет, вы тоже можете понять чувства женщины, но только тогда, когда вам это надо. И для того, чтобы это использовать.

– Неужели я такое чудовище?

– Чудовище тоже может нравиться. Но мсье Ледников к женщинам очень добр...

– Та-ак... Я вернусь пораньше, чтобы не оставлять вас с этим типом вдвоем надолго! – с шутливым намеком сказал Иноземцев.

– За меня можете не беспокоиться, патрон.

– Клер, в вас есть что-то русское. Одна знаменитая русская женщина сказала: «...но я другому отдана и буду век ему верна». Говорят, тем самым она выразила душу русской женщины.

– Нет, патрон, я не русская. Меня никто никому не отдавал. Я сама делала выбор и принимала решения. И потом, вы тогда сказали, что у мсье Ледникова сложные истории с несколькими женщинами сразу...

– На сей исторический момент всего с двумя, Клер. Но какими! Впрочем, две было тогда, когда мы виделись с ним последний раз... Кто знает, сколько их сегодня? Ужас в том, что он не может расставаться с женщинами навсегда. В любой момент у него с ними все может начаться по новой.

– Потому что он к ним снисходителен. В отличие от вас. Клер помахала ему пальчиками с безукоризненным маникюром и снова уставилась в бумаги.

Он поднялся в свой кабинет на втором этаже, куда прямо из салона вела узкая и неудобная винтовая лестница из красного дерева.

Иноземцев любил это свое убежище, которое было едва ли не больше самого салона. Антикварная мебель, дорогие гобелены, старинное оружие на стенах, подлинники картин старых русских художников, несколько знамен известных российских полков в углу... Тяжеловесное, величественное имперское великолепие. Давно не существующий

мир, унесенный временем и человеческой глупостью. Мир, в котором он чувствует себя своим... Хотя и в нынешнем, надо признаться, устроился вполне прилично.

Иноземцев включил компьютер и рассеянно пробежался по новостным сайтам. Опять было много сообщений о столь не любимой Клер супруге президента. Оказывается, мадам Николь провела несколько дней в Швейцарии с частным визитом. Швейцарские власти ничего о ее пребывании в Альпийской республике не знали. Выяснилось все случайно, уже в день ее отъезда. Швейцарцы перепугались и взбеленились – непорядок, нарушение всех правил и традиций! А если бы с мадам что-то случилось?! Это был бы межгосударственный скандал!

Поступок был вполне в духе мадам Николь. Как живописал Иноземцеву один знакомый журналист, давно трущий-ся в коридорах французской власти, у мадам, среди предков которой были русские и цыгане – неплохая добавка к коктейлю! – не характер, а бомба, всегда готовая взорваться. Капризная, непоследовательная, несдержанная, действующая всем окружающим на нервы, но при этом бывающая обаятельной и неотразимой. Судя по всему, истеричная особа, постоянно раздираемая страхом не понравиться и одновременным желанием покорять всех. Несносный характер, но при этом умение в нужный момент взять себя в руки. После чего следует неминуемый срыв... Плюс к этому несколько замужеств и громких любовных связей.

Выяснилось, что партизанский набег мадам Николь на Швейцарию не обошелся без последствий. Там куда-то запропастилась служанка, работавшая у мадам уже много лет. Злые языки утверждали, что несчастная молодая женщина уже просто не могла выносить капризы и причуды хозяйки, которую в последнее время несло все больше и больше.

С мадам Николь и вокруг нее явно происходит что-то неординарное, заключил свои размышления Иноземцев. Что-то сверх обычного. Видимо, в их отношениях с президентом наступил какой-то новый этап. Дело очевидно идет к окончательному разрыву, и в Елисейском дворце все завозились, задвигались. Начались интриги, доносы, стали распространяться слухи и сплетни. Каждый обитатель дворца хлопотал о том, чтобы не остаться в дураках в новой ситуации. Развод с действующим президентом – такого никто не мог себе раньше представить. Но мадам Николь, как выясняется, способна очень на многое.

В дверь постучали. В кабинет влетела Клер. Она выглядела очень встревоженной.

– Патрон, звонила Собин, на нее было покушение! – одним духом выпалила она.

– Собин? – не сразу сообразил, о ком речь, Иноземцев.

– Собин Будрийон! Вы же помните ее! – умоляюще установилась на него Клер.

Конечно, он помнил ее. Собин Будрийон, некрасивая и

неvezучая школьная подруга Клер, поздний ребенок, дочь скандально известного полицейского комиссара, пребывавшего уже несколько лет на пенсии. Старик был непреклонный, самолюбивый, просто помешанный на своей работе. На днях он умер прямо на улице. Иноземцев был шапочно знаком с ним.

– Она умоляет приехать, патрон! Она очень напугана! После смерти отца она не в себе – ей кажется, что ее тоже хотят убить.

– Почему бы ей не позвонить в полицию? – сказал, поморщившись, Иноземцев. Влезать в эту историю у него не было никакого желания. Неуравновешенная, несчастная, одинокая женщина, которой постоянно что-то мерещится. Случай тяжелый.

– Вы же знаете, как там не любили мсье Будрийона! – укоризненно сказала Клер. – Она боится, что в полиции ее поднимут на смех.

Мсье Будрийона коллеги действительно не любили. В силу чрезмерно энергичного характера и неумения сидеть без дела он пытался, даже выйдя на пенсию, руководить своими более молодыми коллегами. Но те быстро дали ему понять, что в советах пенсионера не нуждаются и пусть мсье Будрийон занимается положенными старикам развлечениями. Старик надулся, затаил обиду.

– Ты хочешь, чтобы мы поехали к Собин?

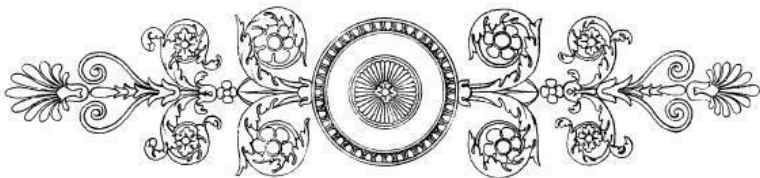
– Патрон! – взмолилась Клер.

– Хорошо, – вздохнул Иноземцев. – Только отправляемся прямо сейчас. У меня мало времени. Закрывай лавочку.

Клер смотрела на него с откровенным обожанием.

Глава 2

Валентин Ледников. Il a mange de plus d'un pain. Он ел не только хлеб

Старый барон Ренн более всего походил на чудаковатого английского лорда – вельветовые брюки, твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, рассеяннопредупредительная улыбка, невыносимая вежливость, снисходительно-терпеливое внимание к собеседнику, какую бы чушь тот ни нес, и ясное ощущение, что про себя он давно уже знает, что в этой жизни важно, а что нет. Между тем в нем не было ни капли британской крови – в основном французская, итальянская и русская, а в Лондоне он бывал только несколько раз наездом. Видимо, предки его, прожившие немало лет в России, куда попали еще во времена Екатерины Великой, совершенно обрусели в том смысле, что прониклись пресловутой всемирной отзывчивостью русского человека, которая

позволяет ему быть при нужде или желании французом, немцем или узбеком.

Той самой, из-за которой русские так и не могут разобраться, что они за народ такой, и за границей своего отечества вовсе не тянутся друг к другу.

– И что это за фантазия, мой милый, вдруг вспоминать какого-то там присяжного поверенного Переверзева, ничем особенным тут, в Париже, себя не проявившего?

Ренн смотрел на Ледникова выцветшими до прозрачности глазами и, как всегда, улыбался чему-то своему.

– Так ведь тут не столько в нем дело, Петр Карлович, сколько в принципе, – как бы извиняясь, пожал плечами Ледников. – Раз уж мы с отцом приняли на себя обязанность рассказать обо всех генеральных прокурорах России, то придется писать и о Переверзеве, и о Зарудном, и о Ефремове – самых последних. Их сегодня уже никто и не помнит, но... Принцип есть принцип – раз уж возложил на себя такую обязанность, так будь любезен.

Ледников невольно улыбнулся про себя – в общении с Ренном он незаметно переходил на какую-то старорежимную речь с весьма замысловатыми устаревшими оборотами. Видимо, и тут проклятая всемирная отзывчивость срабатывала.

– Да-да, принципы, – опять безмятежно улыбнулся Ренн. – Принципы... Извините, дорогой мой, не напомните, кто же это так говорил – принципы? А то помню, что какой-то ли-

тературный герой, а какой именно – нет! Запомнил, старый хрыч!

– Павел Петрович Кирсанов так говорил. У Тургенева в «Отцах и детях».

– Ах да! Конечно! Это ведь тот самый, который был неисправимым англоманом?

– Тот самый.

– И чего он мне вдруг в голову пришел? Принципы... Отвратительно звучит. Но привязалось... Экое наказание!

Старик был совершенно неотразим. Но сразу чувствовалось, что он вовсе не прост. В своей долгой и крученной жизни он, как выражаются французы, *a mange de plus d'un pain*. То есть ел не только хлеб. Ему пришлось вкусить самые экзотические блюда и пережить многое и многих. Отец Ледникова познакомился с ним и его сестрой Ирен, когда участвовал в организации перезахоронения праха Деникина и Ильина. Ренн с его многочисленными знакомыми по всей Европе помог преодолеть бесконечные юридические и прочие рогатки. С тех пор они перезванивались и встречались, когда судьба заносила одного в Москву, а другого в Париж. Узнав, что Ледников прилетает в Париж по делам, связанным с книгой о генеральных прокурорах России, он тут же предложил ему жить в его пустующей квартире на рю Дарю, рядом со знаменитой православной церковью Александра Невского недалеко от Триумфальной арки. Той самой, где отпевали Тургенева, Шаляпина, Бунина. Место для русских намоленное.

После революции церковь была единственным местом, куда сходились русские эмигранты вне зависимости от убеждений и положения в эмиграции. Золотые купола пятиглавого собора вздымали к парижскому небу свои православные кресты, глядя на которые из окон квартиры Ренна Ледников, как и положено образованному русскому человеку, невольно впадал в меланхолические размышления о том, что было и чего уже не будет никогда в его грешной жизни. Рядом с церковью был православный магазин со старинными книгами, картинами, иконами и церковной утварью. Здесь часто можно было встретить бородатого батюшку в черном облачении, с тяжелым крестом на груди.

– Ну а что господин Переверзев? – с улыбкой спросил Ренн. – Чем он может быть любопытен сегодня?

– В принципе этот человек мог переменить историю России.

– Что вы говорите? Вот уж не подумал бы. Как любопытно! И каким же способом он мог это сделать?

– Он мог арестовать Ленина в июле 1917 года как изменника и шпиона, и тогда...

Ренн улыбнулся какой-то своей мысли.

– Но, как я могу догадываться, не арестовал. Что же так?

– Ну, тут несколько обстоятельств сыграли свою роль. Во-первых, Переверзев, как и его коллеги по Временному правительству, просто не понимали, что происходит после отречения царя и куда влечет их рок событий. Привыкшие

бороться с самодержавием и считать его самым главным и страшным врагом, они продолжали бороться с ним и тогда, когда оно пало и не представляло никакой опасности. А они продолжали сводить с ним счета... Какая-то Чрезвычайная комиссия – кстати, вот откуда ЧК пошло! – расследовала деятельность царя, его министров, искала какие-то злоупотребления властью, допрашивала фрейлин, выясняла, что было у императрицы с Распутиным... Ну и прочая такая дребедень. Они зачем-то готовили некий грандиозный процесс над царизмом. А процесс-то этот дурацкий тогда уже был никому не нужен... Занятые этой чепухой, они не хотели видеть, что по Петрограду уже рыщет другая сила, которая не будет следовать никаким законам и установлениям, а просто уничтожит их всех без всякого суда и следствия. Раздавит, как блох, сметет, как ненужный исторический мусор...

– Знаете, мой друг, я думаю, они просто не представляли себе, что такое возможно – просто убивать миллионы людей как... «чуждый элемент». Было тогда такое славное выражение.

– Не представляли! Книжки надо было читать. Например, про французскую революцию. В них все было описано. Кстати, сразу после первой революции 1905 года в России специально выпустили книгу «Революционный невроз» – про ужасы и закономерности французской и всякой другой революции. Хотели предупредить, предостеречь... Куда там!

– Так ведь они, все эти господа, и сами, кажется, были

революционерами?

– В том-то и дело. Они не могли бороться с Лениным, потому что он для них был – свой. Тоже борец с ненавистным самодержавием.

– В общем, что называется, свои люди – сочтемся, – засмеялся Ренн.

– И сочлись. Очень скоро. В подвалах уже другой Чрезвычайной комиссии...

Ренн поерзал в кресле, вздохнул и ничего не сказал. Да и что тут было говорить?

В дверях возникла пожилая экономка, которая работала у Ренна, по его словам, с каких-то допотопных времен и, как это заведено у русских людей, давно стала самым настоящим членом семьи.

– Мадам приехала, – с каким-то особым значением сказала она.

– Ну и слава богу! – оживился Ренн. – Спускаемся вниз, в гостиную, мой друг. Уверяю вас, там нас ждет магнит притягательнее, чем этот самый революционный невроз.

Он подхватил Ледникова под руку и повлек к лестнице, ведущей из его кабинета прямо в гостиную на первом этаже.

Она стояла у камина, смотрела на огонь, обхватив себя руками за плечи. Высокая, стройная, темноволосая. Когда она обернулась, он сразу узнал это лицо. Это была всего-навсего первая леди Франции.

Ледников несколько озадаченно посмотрел на Ренна. Старик рассмеялся:

— А я вас предупреждал!

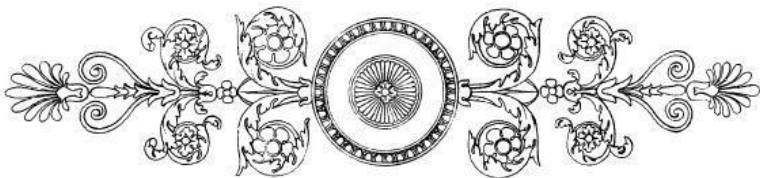
Ренн подошел к женщине, и они по-родственному расцеловались.

— Здравствуй, дорогая! А я уже стал бояться, что ты никогда не выберешься ко мне!.. Сейчас я тебя познакомлю с моим молодым другом из Москвы...

Женщина внимательно посмотрела на Ледникова. Лицо ее было вежливо-безучастным.

Глава 3

Юрий Иноземцев. L'Ange exterminateur. Ангел смерти

Будрийоны жили в том же буржуазном шестнадцатом районе, что и Клер, рядом с шикарной улицей Пасси, вечно запруженной празднующей толпой. Клер позвонила снизу по мобильному, и Собин открыла дверь парадного.

Увидев заплаканную Собин, Иноземцев невольно вздохнул. Бедняжка была безнадежно некрасива. Он подумал, что Будрийон наверняка страдал от того, что дочери так не повезло с внешностью, и даже чувствовал себя в этом виноватым. Собин вдруг попыталась улыбнуться, но неестественная гримаса сделала ее лицо еще более жалким.

— Что случилось, Собин? — как можно мягче спросил Иноземцев.

— Отец... — прошептала она. — Они говорят, это был

несчастный случай, но...

Иноземцев вопросительно посмотрел на Клер.

– Собин считает, что мсье Будрийона убили... А сегодня кто-то пытался проникнуть в ее квартиру.

– Зачем?

Собин продолжала рыдать, и прошло достаточно времени, прежде чем Иноземцев уяснил диспозицию.

Когда Будрийона выперли на пенсию, он совсем было пал духом, но потом вдруг словно ожил. По секрету он поведал дочери, что на днях случайно столкнулся на улице с человеком, поимкой которого он занимался лет пятнадцать назад во время своего пребывания в Южной Америке. Арестовать бандита тогда не удалось, потом пришли сообщения, что он погиб, и вот неожиданно Будрийон столкнулся с ним в Париже...

– Отец сказал, что этот тип объявился тут не случайно, что он готовит большую беду, – сказала Собин, доверчиво глядя на Иноземцева. – Я сказала ему, чтобы он позвонил в полицию и ничего не предпринимал сам... Но он ответил, что они опять будут смеяться над ним, скажут, что ему все померещилось и вообще он впал в старческий маразм. И я поняла, что он попытается что-то узнать сам об этом человеке. Он запомнил номер его машины, видел, из какого банка он выходил...

Судя по тому, в каком радостном возбуждении пребывал мсье Будрийон в последнее время, предприятие его явно

продвигалось успешно. Он даже сообщил дочери, что кое-какие документы и фотопленки, которые остались у него после поездки в Южную Америку, еще очень и очень пригодятся... Он еще заставит коллег пожалеть о том, что они над ним издевались!

А несколько дней назад его тело нашли на пустынной улице за Булонским лесом. По официальному заключению полиции, мсье Будрийон упал на улице и разбил голову о каменный бордюр. То ли поскользнулся, то ли потерял сознание – со стариками такое бывает. Газеты дали короткие сообщения.

Вскоре после похорон Собин позвонила какая-то женщина, не назвавшая своего имени, и сказала, что она видела собственными глазами – на мсье Будрийона мчался мотоциклист, он пытался отскочить в сторону, споткнулся и упал... При этом мотоциклист не скрылся сразу. Он притормозил прямо у тела мсье Будрийона, внимательно оглядел его и умчался только после того, как удостоверился, что тот мертв.

«И знаете, это была женщина, – сказала свидетельница перед тем, как положить трубку. – Очень смуглая... Она сняла шлем, когда разглядывала тело несчастного мсье...»

– А сегодня утром раздался звонок, – вся дрожа, продолжала рассказывать Собин. – Я посмотрела в глазок и увидела человека в черном комбинезоне и мотоциклетном шлеме на голове... Его лица не было видно.

У Собин при этих словах даже глаза расширились от ужа-

са.

– Я спросила: кто это? Человек сказал: вам посылка. Голос был женский, с каким-то акцентом... И я вдруг сразу поняла, что это та самая женщина, которая сбила своим мотоциклом отца! Я закричала: «Уходите! Я сейчас вызову полицию!» Она какое-то время постояла, а потом ушла. Я так испугалась!

– А как она попала в дом? – поинтересовался Иноземцев. – Она вам позвонила снизу и вы открыли дверь?

– Нет, что вы! – испугалась Собин. – Я не знаю, как она здесь очутилась. Мне никто не звонил... *L'ange exterminateur!* – в ужасе прошептала она.

– Ну-ну, – успокаивающе произнес Иноземцев. – Прямо так уж и ангел смерти пожаловал! Нормальный наемный убийца, только женского рода.

Он задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Вам надо принять что-нибудь успокоительное и прилечь, – сказал он и показал глазами Клер, что она должна помочь ему.

– Давай я провожу тебя в спальню, – заботливо прошептала Клер, обнимая Собин за плечи.

– Но ведь вы не уедете, не оставите меня одну! – беспомощно произнесла та. Губы ее жалко кривились и подрагивали.

– Конечно, нет, дорогая, – успокоила ее Клер. – Конечно, мы побудем с тобой.

Она вернулась и виновато посмотрела на Иноземцева.

– Бедняжка Собин, она так несчастна и одинока. У нее не было никого, кроме отца... Мсье Будрийон ужасно переживал из-за того, что она не вышла замуж, что у нее нет знакомых мужчин. Он считал, что виноват в этом. И вот теперь она осталась совсем одна.

– Ну, у нее есть вы, Клер. А это немало.

– Вы думаете, это большое утешение для одинокой, отчаявшейся женщины? Вы не обратили внимания, как она смотрела на вас, патрон?

– На меня?

– Да-да! И я знаю, что она в этот момент думала...

– Интересно?

– Она думала про меня. Думала, а почему все достается ей? У нее есть жених, у нее были другие мужчины, и вот теперь и этот мужчина – с ней. А почему не со мной? Бедняжка Собин!

Клер была искренне взволнована и удручена, но Иноземцев не стал погружаться в яростную пучину отношений двух школьных подруг. Не до того. Полезнее проанализировать ситуацию. Судя по всему, неугомонный мсье Будрийон действительно встретил какого-то старого знакомого по прошлой боевой жизни. И человек этот – очень опасен. Но мсье Будрийон, видимо, не заметил, что его тоже узнали и что за ним началась ответная охота... Вопрос только в том, представлял ли он опасность для этих людей как свидетель, оче-

видец каких-то темных дел? Или у него есть что-то, что им нужно? Какие-то документы, например фотографии, пленки, чьи-то свидетельства? Вряд ли Собин нужна им сама по себе, вряд ли она лично может им помешать. Значит, приходили за чем-то другим...

Иноземцев задумчиво посмотрел на пригорюнившуюся Клер. Нужно выяснить, не оставил ли Будрийон какие-то документы, связанные с работой в Южной Америке? Если они есть, если они действительно представляют интерес... Но для начала надо, чтобы Собин уехала из Парижа на какое-то время. Просто уехала. Все равно куда. Не устанавливать же рядом с ней круглосуточный пост!

Потом были долгие уговоры, и Иноземцев стал уже терять терпение, когда Собин наконец согласилась немедленно уехать к тете в Лион при условии, что они довезут ее до вокзала и посадят на поезд. Перед тем как запереть дверь, она принесла старый потертый кожаный портфель и протянула его Иноземцеву.

— Тут все документы отца, связанные с Южной Америкой. Я не хочу больше их видеть.

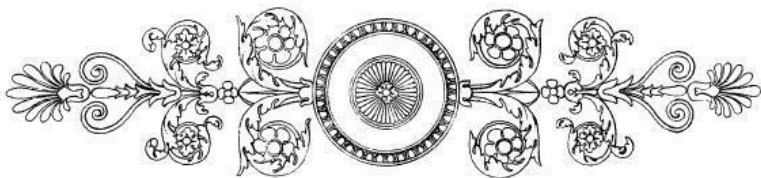
Иноземцев посмотрел на портфель и спросил себя: а нужно ли тебе, милый друг, с этим связываться? Бумаги опасные. И очень.

Но он все же протянул руку и взял портфель.

Глава 4

Валентин Ледников. *Bruler la chandelle par les deux bouts.*

Жечь свечу с обоих концов

Ледников неторопливо брел по Монпарнасу, направляясь к Люксембургскому саду, и пытался разобраться в своих впечатлениях от неожиданной встречи у Ренна. Что-то случилось!.. *Filer un mauvais coton!* То есть покатилося под гору, как говорят французы. И уже не остановишь. Это он понимал прекрасно. С усмешкой бормотал про себя из Пушкина: «Но узнаю по всем приметам болезнь любви в душе моей!..» Ну уж сразу и любви, одернул он себя. Просто парижский воздух действует. И женщина, конечно, необычная – первая леди Франции как-никак! Но при этом – явно подавленная, растерянная, глаза молят о помощи.

Ренн очень скоро оставил их вдвоем, был ничего не зна-

чащий разговор, где важны были не слова, а какие-то иные смыслы и чувства, из которых вдруг неопровержимо выплыло это самое «*Что-то случилось!*» *И теперь все возможно...* Во время разговора она вдруг неожиданно оживлялась, а потом уходила в себя, словно прислушиваясь к себе и пытаясь разобраться, что с ней происходит.

А потом было прощальное пожатие рук, и опять ясное ощущение и понимание того, что расстаться просто так уже невозможно и новая встреча неминуема. Потому что первое же прикосновение ее узких пальцев было страшно узнаваемо, словно они уже несчетное число раз касались друг друга. *Bruler la chandelle par les deux bouts...* Свеча явно зажглась сразу с обоих концов...

Пора, пора мне быть умней! Опять вспомнился Пушкин. Пора, но как? Был такой французский автор XIX века Гастон Данвиль, написавший «*Psychogic de l'amour*», то есть «Психологию любви». Так вот мсье Данвиль утверждал, что в мозгу каждого человека складывается свой особый «образ любви». И слагается он из ощущений и представлений времен, когда в человеке просыпается половой инстинкт. Мы ничего о нем не знаем, но именно в нем воплощен «тип любви» каждого. И всякий раз, когда мужчине встречается женщина, обладающая чертами «образа любви», хранящегося в подсознании, внезапно и страстно вспыхивает любовь. А вот некий доктор Фере определял любовь с первого взгляда как «импульсивную боль – род подавленности,

дрожь, спазм, электрический удар, головокружение», что-то вроде «недомогания, которое испытывают лозоходцы, когда их жезлы указывают источники подземных вод»... «Импульсивную боль лозоходца» он при встрече с Николь явно не испытал, а вот что-то вроде узнавания «образа любви» в душе мсье Данвиля точно было... Было-было, не отпирайтесь!

Ледников уже собирался свернуть на бульвар Распай, когда его окликнули.

– Валентин Константинович!

Ледников обернулся. Молодой светловолосый мужчина с тонкими чертами лица, длинноватым носом и безвольным мелким подбородком, который не скрывала даже небольшая бородка, махал ему рукой. Такие лица обычно бывают у субтильных, нервных, сутулых юнцов, мучающихся от своей физической немощи. Но у этого были совершенно неожиданные для такого лица могучая шея, мощные плечи. Словно к телу настоящего атлета каким-то мудреным способом приделали чужую голову. Видимо, развивал свое слабое от природы тело изнурительными упражнениями, а вот с лицом неврастеника сделать пока ничего не смог. Впрочем, время у него еще есть, как известно, человек начинает отвечать за свое лицо где-то после сорока...

Лицо мужчины показалось Ледникову знакомым, но и только. Ни имени, ни фамилии в памяти не всплыло.

Мужчина, развязно и одновременно конфузливо улыбаясь, подошел поближе.

– Не узнали... – протянул он.

По лицу можно было понять, что он страшно разочарован и даже обижен. Помолчав, уже с упреком, сказал:

– А я вас сразу узнал.

– Напомните, если вам нетрудно, где мы с вами встречались, – с нарочито холодной вежливостью предложил Ледников. Встречи на парижских улицах с неведомыми соотечественниками вовсе не входили в его планы.

Мужчина скривил губы. Опять обиделся, отметил Ледников. Судя по всему, тип вполне психопатический. С такими людьми мучительно сложно – их можно обидеть чем угодно.

– Карагодин... Виталий... Когда мы с вами познакомились – капитан отряда спецназа ГУИН тогда еще Министерства внутренних дел Российской Федерации...

– Да-да, конечно! Теперь – спецназа Министерства юстиции, – продемонстрировал свою осведомленность Ледников.

Он действительно вспомнил капитана Карагодина. Это было в Доме приемов МВД. Ледников представлял там одну из первых книг о российских прокурорах, которую они выпустили с отцом. Отец, естественно, на прием не поехал, и Ледникову пришлось отдуваться одному – рассказывал, как собирался материал, а чтобы публика не скучала, вставлял разные прокурорские анекдоты, потом раздавал автографы... Карагодин тогда приклеился к нему намертво. Оказалось, он учился в юности на историческом факультете, потом бросил, попал в армию, оттуда в спецназ, но увлечение

историей не прошло, он и сам хотел бы работать в таком же жанре исторических исследований...

Ледников слушал Карагодина, а сам думал о том, что человеку, который прошел спецназ ГУИН, уже вряд ли какая другая история будет интересной. В тюрьмах и колониях, особенно когда там вспыхивают волнения или бунты, такое творится, что нормальным людям этого лучше и не знать...

– Вы тогда были без бороды, – решил объяснить свою забывчивость Ледников.

– Я тогда и капитаном был, – махнул рукой Карагодин.

– А теперь?

– А теперь я никто! Торгую здесь китайскими шмотками... Вот такая у меня история, Валентин Константинович.

История действительно классическая – встретить в Париже на улице русского человека с незадавшейся судьбой и не знающего, к кому обратиться за помощью.

– Давайте присядем где-нибудь, поговорим, – предложил Ледников, понимая, что избежать тяжелого разговора уже не удастся.

– Только сразу хочу сказать – денег мне от вас не нужно, – несколько даже высокомерно сказал Карагодин.

Значит, обойдемся сочувствием и советом, подумал Ледников, но вслух говорить ничего не стал.

Устроились за столиком ближайшего уличного кафе, подальше от остальных посетителей. Ледников заказал кофе, Карагодин пиво. Жадно осушив бокал, он закурил и расска-

зал, что с ним случилось на родине. Случилось банальное – вспылил, разругался с начальством. В результате вместо награды и повышения – выговор, снятие с должности под предлогом «неполного служебного соответствия», рапорт об отставке и превращение в простого российского безработного. Жена вскоре бросила.

– А как вас в Париж-то занесло? – поинтересовался Ледников.

Карагодин нервно дернул щекой.

– Жизнь свою никчемную надо было спасать. Только я со службы ушел, у меня сразу «крестники» появились! Те, кого я в тюрьмах и колониях во время бунтов опять в камеры загонял. Те, кто в бега уходил, а я их отлавливал и опять на нары сажал...

Карагодин замолчал, видимо, вспомнив из прошлого что-то особенное.

– Чувствую, не жить мне, потому что один я теперь перед ними, никого за мной нет, государству я больше не нужен. А они это по-звериному чувствуют... Несколько раз я смерти чудом избежал. Вот и свалил. Отправился сначала в Германию, в славный город Кельн, потом в Лондоне кантовался... Теперь вот здесь, на Елисейских Полях... Сбылась мечта идиота – походить по камням, которые еще король Генрих IV с королевой Марго топтали. Только я сейчас, Валентин Константинович, все больше Варфоломеевскую ночь вспоминаю, когда трупы невинно убиенных некому было убирать с улиц, а ко-

роль расстреливал своих подданных из окон дворца из аркебузы...

«С такими нервами и фантазией тебе не в спецназ ГУИН надо было идти и даже не в ночные сторожа, – подумал Ледников. – В садовники тебе надо бы – цветы поливать».

– Ну да это все лирика, – вдруг жестко прервал себя Карагодин. – Сдается мне, что я влип в историю похуже, из которой мне уже не выбраться. Вот разве вы что посоветуете, Валентин Константинович. Как юрист, историк и бывший следователь прокуратуры в одном...

– Спасибо за доверие, – вяло пошутил Ледников, не испытывавший никакого желания влезать в темные дела малоизвестного человека.

Но было уже поздно.

С месяц назад на рынке, где Карагодин обычно торговал, к нему подошел человек, осмотрел с усмешкой карагодинские богатства – кроссовки, спортивные костюмы, игрушки, сказал, что зовут его Тарас, а Карагодина он помнит по давним событиям в Красноводской колонии. История такая в жизни Карагодина действительно была. В Красноводске взбунтовались заключенные, недовольные порядками, которые стал устанавливать новый начальник, и Тарас оказался в числе работников колонии, которых зэки взяли в заложники. Карагодин тогда спас ему жизнь – вместе со своими спецназовцами разблокировал санчасть, в которой Тараса держали.

Карагодин этот случай тоже хорошо помнил. Всем спецназом они тогда крыли последними словами Тараса и его начальника, которые поперлись к разъяренным экам на переговоры. Хотя должны были знать, что, раз не удалось подавить бунт в зародыше, надо выждать, пока у заключенных иссякнет запал, выплеснется первая злость и начнутся неминуемые внутренние раздоры.

Тарас запомнился Карагодину по красноводским событиям шебутным, болтливым мужичком, много о себе думающим, легко возбуждающимся и в этом возбуждении способным на любые глупости и подвиги. В Париже он таким и остался. Послушать его, так он теперь был чуть ли не главное лицо в некой серьезной организации, занимающейся всякими рискованными делами – охраной, безопасностью, разведкой, силовыми операциями – и ворочающей огромными деньгами. Но тут же на Тараса налетала злобная жалость к себе, и он начинал жаловаться, что его не ценят, не дают развернуться, платят не те деньги, на которые он рассчитывал и которых достоин.

– Нетрудно догадаться, что сей Тарас предложил вам бросить свой неблагородный промысел и стать членом этой самой таинственной конторы, – грустно улыбнулся Ледников. – И вы согласились.

– А что мне оставалось? – тут же обиделся Карагодин. – Умереть, торгуя китайскими кроссовками?.. К тому же Тарас сказал, что сейчас они готовятся к очень серьезной акции,

по завершению которой все участники получают такие деньги, что можно будет зажить уже по-новому.

Ледников вздохнул.

– Господи, Виталий, вы же профессионал! Как можно покупаться на такие банальные разводки?

– А бедность, дорогой Валентин Константинович? Знаете, что такое бедность? До чего она может довести? Да какая бедность – нищета! Отчаяние, тоска, злоба на себя и весь мир! Я, капитан спецназа Виталий Карагодин, у китайцев на посылках!

«Эх ты, историк», – мелькнуло в голове Ледникова. Мог бы знать, что тут не капитаны спецназа, а потомственные российские князья на такси работали да в ресторанах на потеху публике музицировали...

– Мне тут, знаете, – зло прищурил глаза Карагодин, – тоже иной раз очень хочется, как тем арабам из предместий, что-нибудь поджечь. Закатить такой погромчик покруче.

– Не вздумайте, – холодно остановил его Ледников. – Арабов-то простят, им еще денег за это выделяют – на социальную адаптацию. А вам отвесят по полной программе.

– Да знаю я все! Задолбали господу французы своей политкорректностью!.. Но организация эта, куда меня Тарас потянул, серьезная. И деньги у них есть, и штаб.

– Так вы уже туда вступили, что ли?

– Прохожу испытательный срок. Тарас меня рекомендовал, сейчас они наводят обо мне справки. Объяснили, что и в

Москве у них есть люди, через которых они достанут любую информацию. Ну, мой послужной список должен их устроить, я думаю. Тарас говорит, у них там полный интернационал – украинцы, прибалты, кавказцы, арабы...

– Если хотите моего совета, Виталий, – без всякой улыбки сказал Ледников, – то завязывайте вы с ними к черту, пока не влипли в какую-нибудь грязную историю.

Карагодин в ответ невесело усмехнулся. Ясное дело, уже взял какие-то деньги, а потом этот Тарас объяснил ему, что у них там действует знаменитое бандитское правило – за вход рубль, а за выход десять. А может, выхода и вовсе нет. Не предусмотрен.

– А ведь я книгу мечтал написать, у меня и темы есть хорошие...

Карагодин поник головой, нахохлился. Вот тебе и гордый капитан спецназа!

Но уже через мгновение Карагодин ухарски махнул рукой, посмотрел на Ледникова с вызовом. Русский человек во всем своем великолепии. Я царь, я раб, я червь, я бог... И все вместе, и все тут же, и все в одном лице.

– А может, и правильно все! Денег срублю, уеду на какие-нибудь теплые острова и засяду там за роман из российской истории! Я такие сюжеты накопал. Мне же только начать, а там бы пошло-поехало.

Ну да, молочные реки, кисельные берега, золотая рыбка, исполняющая все желания, и конек-горбунок тут же под ок-

ном бьет в нетерпении копытом... Эта извечная русская мечтательность, ни на чем, кроме беспечности и веры в чудеса, не основанная.

– Вы извините, Виталий, я уже опаздываю.

– А вы сюда, в Париж, надолго?

– Честно говоря, даже не знаю. Как дела пойдут...

– А можно я вам позвоню? Мне бы так хотелось с вами про свои замыслы о романе поговорить. Может, посоветовали бы что... Мне толчок нужен, Валентин Константинович. Я от одного сюжета к другому бросаюсь и никак не могу остановиться. Если бы вы мне сказали – пиши вот про это, я бы вам сразу поверил. Я ведь и вашего отца знал.

– Это еще каким образом?

– А ГКЧП помните?

– Ну, в какой-то мере...

– Я тогда в «Матросской Тишине» «путчистов» охранял. Они все передо мной тогда прошли... Диктаторы! А в тюрьме были просто больные, перепуганные старики... Жалко было смотреть! А отец ваш тогда их допрашивал...

– Это я знаю, – холодно прервал его Ледников.

Вот еще тема для разговоров в Париже! Отец обо всей этой истории, кстати, тоже вспоминать не любил – уж слишком много тогда осталось за кадром, что называется.

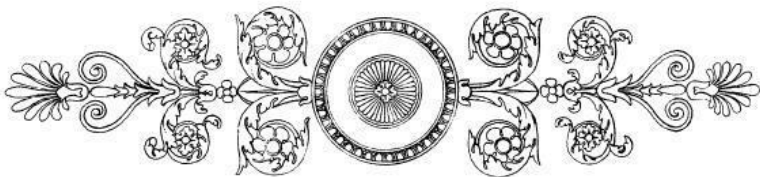
– Виталий, давайте мы так поступим, – тоном, не допускающим возражений, сказал он. – Диктуйте мне свой телефон, я позвоню вам сам, когда выясню, как у меня тут дела скла-

дываются. Я могу и уехать из Парижа на несколько дней...

Карагодин поначалу, судя по насупившемуся лицу, решил обидеться, но потом справился с собой и продиктовал номер мобильного.

Глава 5

Юрий Иноземцев. *Ne laissez pas le cadavre sur la table.* Не оставляйте пустую бутылку на столе

Припарковав машину недалеко от площади Трокадеро, он добрался своим ходом до небольшого ресторанчика, где у него должна была состояться встреча с человеком, который проходил у него под шутливой кличкой Куратор. Настоящего куратора Иноземцев бы над собой не потерпел. Он сам себе куратор. По всем вопросам.

По прихоти судьбы Куратора звали Романом Аркадьевичем, как знаменитого российского миллиардера. А похож он был больше всего на великого актера Леонова – лысый, весь округлый медвежонок Винни-Пух со скрипучим голосом. При этом фамилия у него тоже была совершенно замечательная – Гриб.

Перед Грибом стоял бокал пива, о котором он, судя по всему, забыл, ибо был погружен в невеселые раздумья.

Иноземцев заказал кофе и минеральную воду, и какое-то время они сидели молча. Тихо так сидели, как грибы-боровики под дубом. Наконец Гриб вздохнул, глотнул пива и удрученно проскрипел:

– И где они только этих мудозвонов находят?

– Вы это о ком? – вежливо поинтересовался Иноземцев.

Хотя догадаться о том, кто именно имеется в виду, зная о роде занятий Романа Аркадьевича, не составляло труда. Накануне в московской газете появилось интервью одного российского участника экономической конференции, проходящей в Париже, совсем, кстати, неподалеку от Трокадеро. Фамилия сего российского предпринимателя была Вайс. И этот мало кому известный гражданин Вайс с упоением, на которое способен лишь истинный, природный мудозвон, поведал *urbi et orbi* о том, что возглавляемая им корпорация занимается по существу рейдерством и выбиванием долгов из различных предприятий и действует якобы в интересах и с благословения одного очень высокопоставленного государственного чиновника.

Гражданин Вайс пел под диктофон с таким рвением, словно ему вкатили лошадиную дозу «сыворотки правды» или он сам добровольно выдул грандиозное количество горячительного. О чем только этот сказочник не поведал! Например, о том, что его контора очень тесно связана с некоторы-

ми видными политическими фигурами и управляет их активностями через членов их семей...

Только за одно это его можно было бы подвесить за те самые штуки, которыми он издает невыносимый звон. Но ему и этих «откровений» показалось мало. Он добавил еще.

«У нас есть не востребовавшие силовые ресурсы, – многозначительно сообщил он. – Например, Совет ветеранов Министерства внутренних дел, бывшие сотрудники силовых структур. Их несколько тысяч по всей стране! Это же реальная проблема: тысячи профессионально подготовленных людей, которым нечем заняться и которые ищут, где бы денег заработать! Это очень большая угроза безопасности, стабильности общества. Даже сами структуры МВД допускают, что бывшие сотрудники с колоссальным опытом оперативной деятельности могут быть использованы криминалом в самых разных целях и делах. А теперь они пристроены – ведут для нас аналитическую работу. Но при нужде эти люди выезжают на места и работают с непонятливыми. А опыт проведения оперативных мероприятий и общения с непонятливыми у них грандиозный...»

Ясное дело, в стольном граде Москве поднялся такой шум, что хоть всех святых выноси. Но кроме воплей о государственном насилии и шантаже частных предпринимателей случились вещи и посерьезнее. Несколько крупных фирм и банков, которые только начали вести дела в России, заявили, что намерены приостановить свою деятельность над сов-

местными проектами. А это были уже не моральные убытки, а очень даже материальные...

Его мудозвонское сиятельство все еще пребывало в Париже, видимо, сообразив, какая горячая встреча ждет его в Москве. А у российских сотрудников спецслужб в Париже появилась новая работенка.

– Юра, хоть вы-то со мной ваньку не валяйте! Не до шуток, – укоризненно пробурчал Гриб. – Мое начальство очень интересуется: был ли дирижер у этой акции? И как этот самый Вайс вообще сюда попал? А мы даже не знаем – он официальный участник конференции или как частный гость проходит? Понимаете?

Гриб был столь искренне удручен своей беспомощностью, что Иноземцеву даже показалось грешно шутить над ним, как обычно.

– Ну, понимать я все понимаю, – не стал сопротивляться он. – А помочь-то я чем в такой ситуации могу?

– Вы же знаете, что теперь для нас самое важное – выяснить...

– Ну, это, конечно, не бином Ньютона. Самое важное – установить, это его собственное сочинительство или ему поручили?

– Ну правильно, – согласился Гриб. – А как я это узнаю? Не буду же я его тут пытаться каленым железом...

– По нынешним временам есть другие способы, – улыбнулся Иноземцев.

– Юра, а вы среди своих подопечных поинтересуйтесь, может, что-то услышите? Вы же тут всех наших знаете, вам про них все известно. А? Поинтересуетесь?

Гриб с трогательной надеждой посмотрел на Иноземцева. Мужик он хороший, что и говорить, подумал Иноземцев, но и расслабляться с ним не стоит. Если понадобится – откусит все, что можно. Так что они с Грибом два сапога пара, друг друга стоят. Немножко доверяют и очень много перепроверяют. Иметь дело с Грибом можно, если понимать и всегда иметь в виду, что у него есть своя главная игра, в которую он никого не посвящает. И игра эта очень и очень непростая, со множеством тайных целей и смыслов. А самая большая тайна – какой результат считается победным?..

«Ну, а у меня тоже своя игра, и не всегда мы с ним играем по одним правилам. И не каждый раз на одной стороне, – подвел итог своим размышлениям Иноземцев. – То, что я согласился, чтобы он по-отечески называл меня просто Юра, ничего не значит. Да и он на сей счет, убежден, не заблуждается».

– Попробую, – вслух пообещал он. – Хотя... Какая теперь разница – эта партия уже сыграна. И все-таки, дорогой мой Роман Аркадьевич, это каким же музеем надо быть, чтобы работать с такими людьми, как господин Вайс! Они там хоть в его биографию заглядывали, когда в дело брали? Человек учился на биологическом факультете, аспирантом был на философском, потом он еще учился во ВГИКе, в художе-

ственном институте и академии госслужбы... При этом организовывал дискотеки и выпускные вечера для школьников! Мыкался во время выборов по избирательным штабам всех партий и предлагал организовывать концерты и массовые мероприятия. От него за версту несло откровенным жульничеством, и даже в этих штабах, где воруют не переставая, его сразу посылали куда подальше.

Гриб лишь сопел в ответ, словно вол, которого за веревку на шею ведут на убой, а он упирается, но только для виду, потому что понимает – конец неизбежен.

– Представляете себе персонаж с такой кредитной историей? – веселился Иноземцев. – Типичный аферист начала девяностых годов прошлого века. Я думал, что такие герои на просторах отечества давно уже повывелись! Оказывается, нет. Их услуги кое-кому до сих пор нужны.

Гриб страдальчески посмотрел на Иноземцева своими умными глазами, предлагая успокоиться. Все он, конечно, и сам понимал. Но Иноземцева уже было тяжело остановить на полном ходу.

– Да, а еще он не так давно работал в астрономическом институте, представляете? Астрономическом, Роман Аркадьевич! Звездочет хренов! Знаете, как французы говорят? *Ne laissez pas le cadavre sur la table!* Не оставляйте пустую бутылку на столе. Причем «le cadavre» означает еще и «труп». Этот звездочет давно уже политический труп, а им все играют. Хотя давно пора убрать со стола.

Гриб послушно кивнул своей круглой головой – виноват, мол, недосмотрел за трупом! – и уставился в бокал с пивом. А что он, профессиональный разведчик, мог сказать?

– Кстати, о тех, кто ему поручил... – сбавил эмоции и уже серьезно сказал Иноземцев. – Вы думаете, это мог быть кто-то из наших местных подопечных?

– Вариант реальный.

– Реальный, – согласился Иноземцев. – Но не менее реально, что истинный автор сего представления сидит там, в столице нашей милой родины. Или в Лондоне. А может, в Вашингтоне.

– Да все я понимаю, – пробурчал Гриб. – Но эти варианты не моего ума дело. Мое дело – отработать здесь. И отработать все варианты.

– Ну, коли так... – пожал плечами Иноземцев. – Повестка дня исчерпана?

Гриб поднял на Иноземцева потухшие от бесчисленных государственных забот глаза, посмотрел внимательно, потом снова уставился в остатки пива на дне бокала. Было ясно, что у него есть еще какая-то информация. Но он пока не решил, выкладывать ее или нет. Но Иноземцев и не пытался у него что-либо выпытывать. Если Гриб решит, что говорить не стоит, расспрашивать его все равно бесполезно – не расколется ни за что. Так что пусть созреет. Но поторопить его можно.

Он отодвинул от себя чашку с остатками кофе и почти-

тельно склонил голову:

– Разрешите идти?

Гриб вздохнул. Видимо, решение было принято.

– Погодите чуток... Тут есть момент. Гаплыка помните?

Мы им еще занимались несколько лет назад...

– Это сельхозработник с Елисейских Полей?

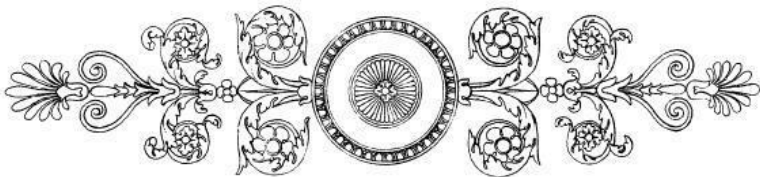
– Он самый. Есть информация, что он против вас лично что-то имеет. И может предпринять какие-то действия. Так что имейте в виду.

– Действия, я так понимаю, недружественные?

– Более чем.

Глава 6

Валентин Ледников. Elle a vu le loup. Она видела волка

– Надеюсь, звонить этому бывшему вертухаю ты не собираешься? А то знаю я тебя... – Немец погрозил Ледникову пальцем.

– Он не вертухай, – поправил его Ледников. – Он служил в спецназе ГУИН. А это совсем иное.

– Держите меня – я сейчас упаду от умиления! Спецназ ГУИН! Прямо институт благородных девиц! Царскосельский лицей и Пажеский корпус, вместе взятые! Хорошо еще, что ты догадался не оставить ему свой телефон. И как только сообразил!

Они сидели в кабинете Немца на втором этаже, куда вела винтовая лестница из салона, в котором властвовала деловитая, как муравей, Клер. Кабинет походил на музей дореволю-

ционных времен. О том, какое сейчас время за окнами, среди этого тяжеловесного великолепия напоминал лишь дорожный, самый навороченный ноутбук, к которым Немец питал слабость, а потому менял их, как перчатки.

Ледников рассказал ему о нелепой встрече с Карагодиным, которая все никак не шла у него из головы, и был несколько удивлен неожиданно острой реакцией Немца.

– Ты думаешь, там может быть что-то серьезное? – удивленно спросил он.

– Да черт его знает! – брезгливо поморщился Немец. – Может, да. Сейчас же таинственных организаций наплодилось, как чертей на болоте. А может, это просто сборище жалких неудачников, не знающих, как заработать деньги, и готовых на любую глупость. Думаю, они только рыпнутся, как полиция их загребет.

– Думаешь, они уже под наблюдением?

– Вполне может быть. А может, и нет еще. Но следует из этого только одно – таких господ нельзя подпускать к себе близко. Даже из сострадания. Там только грязь, зависть и никакого проку. Я вот думаю, а не стоит ли сразу позвонить моим знакомым ребятам в ДСТ? Пусть натравят на них полицейских. Они сейчас из-за этих погромов в пригородах обозлены, так что церемониться особо не будут.

Юрка Иноземцев, дворовое прозвище Немец, в своем репертуаре. Именно он втолковывал Ледникову в детстве, что такое «голубая кровь», «Готский альманах», «Российская

родословная книга», Дворянское собрание... И совершенно серьезно объяснял, что род их идет от некоего рыцаря-иноземца, который вышел из варяжской земли и поступил на службу к князю московскому. «А откуда князь узнал, что он рыцарь, а не простой конюх?» – коварно спросил Ледников. На что Немец высокомерно ответил: «Благородного человека сразу видно. Конюх к князю и подойти побоится – в штаны наделает».

В девятом, кажется, классе, когда Ледников жестоко подрался из-за одноклассницы с ее ухажером, Немец специально сходил в школу – сам он учился к тому времени в каком-то хитром заочном заведении, куда можно было не ходить неделями, лишь сдавая время от времени экзамены, – осмотрел «даму сердца» Ледникова и выразил свое полное неодобрение геройством друга.

– Что за страсть к простолюдинкам? – процедил он. – Сия особа вовсе не твоего круга. Так что оставь ее своему придурку-сопернику – они с ней одного пошиба. Нет, я понимаю, иногда и на пейзажок тянет. Тем более что среди них встречаются весьма хорошенькие, свеженькие, кровь с молоком. Но, во-первых, эта девица а vu le loup... – Снисходительно посмотрев на ошарашенного Ледникова, Немец объяснил: – Elle a vu le loup – она уже видела волка. То есть уже не девственница. Причем давным-давно, ты тогда еще на трехколесном велосипеде катался. Драться из-за такой с каким-нибудь конюхом или кузнецом! Это даже не моветон,

а просто глупость. Ну я не знаю, почитай у Бунина на сей счет. Может быть, конечно, секундное увлечение, солнечный удар, но и только. — Немец прикрыл глаза и процитировал: — «Эта самая Надежда не содержательница постоянной гостиницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей? Какой вздор!»

Именно с тех пор у Ледникова началось страстное увлечение Буниным. Немец порастил тогда каким-то особым, удивительным взглядом на мир, с которым до этого Ледникову приходилось сталкиваться только в книгах. Этот взгляд, полный стародавних правил и понятий, раньше казался ему давным-давно ушедшим, не имеющим никакого отношения к действительности. Но Немец был вполне реальным, дерзким, до крайности самоуверенным доказательством, что мир этот с его законами вовсе не пропал бесследно, не развеян в прахе и тьме времен и с такими наследниками, как Немец, продержится еще долго. Уж подольше пролетарского учения, во всяком случае...

Учился Немец, знавший три языка, в МГИМО. После крушения советской власти откуда-то объявилось множество его родственников, всякие там ветви, колена, роды, в том числе и за границей, так что после института он убыл на государственную службу прямо в город Париж. Но служить ему довелось недолго. Из-за нескольких скандалов, порожденных слишком вольным поведением и демонстративными связями с недобитыми во время пролетарской революции

родственниками, он плюнул на госслужбу, получил при содействии всяких там «бароньев», «светлейших» и кузенов вид на жительство во Франции и занялся антикварным бизнесом.

Началось все с огромной коллекции, которую ему оставил некий дальний родственник, как нарочно, наследник одной из самых славных российских дворянских фамилий. Когда на ее основе Немец открыл салон «Третий Рим», к нему потянулись и другие эмигранты. Многие отдавали старинные вещи совершенно бесплатно – лишь бы не пропали, потому как их офранцузившимся потомкам они были совершенно без надобности. Дело процветало, причем без особого усердия со стороны хозяина.

С юности у Немца было множество подруг, но почти не было друзей. Ледников был из очень немногих. Со временем их близость только укрепилась. Когда Ледников занялся историей российской прокуратуры, Немец эти его занятия всячески поддерживал, ибо тут интересы их совпадали абсолютно. С его помощью Ледников встречался с представителями эмигрантских кругов, сохранивших в памяти детали и факты, которые придавали книгам особый, никакими документами не заменимый аромат достоверности и неотразимую убедительность.

Правда, Немец не одобрял его интереса к истории советской прокуратуры.

– Плюнь ты на них, – презрительно цедил он. – Какие они

прокуроры! Палачи, прислужники своего рябого вождя!

– Ладно-ладно, там, знаешь, люди разные были, – отмахивался Ледников. Он-то знал, что в истории советской прокуратуры были личности удивительные, а судьбы и сюжеты столь причудливые, что в них было просто трудно поверить.

Но Немец гнул свое:

– Тупые укрепевзаки! Укрепители революционной законности – надо же до такого додуматься!

Очень скоро Ледников догадался, что «Третий Рим» во главе с обаятельной и деловитой Клер для Иноземцева только прикрытие. В условиях свободного мира в нем окончательно возобладал авантюрист и искатель приключений, высокомерно убежденный в своем превосходстве над всеми и праве вертеть чужими судьбами. Правда, с принципиально патриотическими убеждениями. Против своего любезного отечества Немец, несмотря на прозвище, никогда не работал.

Из того, что Немец счел нужным поведать Ледникову об этой стороне своей жизни, можно было представить следующую картину. Немец специализировался на новых русских эмигрантах, которые обосновались в Париже и на Лазурном Берегу. Он собирал на них досье, выяснял связи, истоки и способы обогащения. Среди его «подопечных» был весь набор постсоветских нуворишей. Сам он приобрел среди них славу человека, для которого в Париже все двери открыты. Несколько раз на предоставлении конфиденциальной ин-

формации он заработал очень хорошие деньги и был теперь вполне обеспеченным человеком.

Российские спецслужбы, мимо которых не прошли его таланты, предложили ему сотрудничество – великосветские и деловые связи делали его весьма ценным источником информации. Он не нашел весомых причин им отказать. Но с улыбкой, как и подобает истинному патриоту отечества, честно поставил в известность, что поддерживает связи с людьми из французской контрразведки, которые тоже сами на него вышли.

В общем, очень скоро Немец стал некой спецслужбой из одного человека с неограниченной сферой деятельности и не ясными никому, кроме него самого, полномочиями. Помощь он мог оказать любую. Если находил это нужным. Antennes, как говорят французы, то есть информаторы, свои люди, у него были повсюду.

– Знал бы ты, мой милый, с кем я сегодня свел знакомство... – Ледников хитро посмотрел на Немца, потом отвернулся, уставился в окно, выдерживая паузу.

Немец задумчиво почесал кончик носа.

– Женщина?

– Женщина. И какая!

– То есть можно надеяться, что знакомство сие амурное, а не деловое?

– Там, знаешь, с амурами очень сложно. Там такое...

– Ого! Это что же такое делается в славном городе Пари-

же! Я ее знаю?

– А как же! Ее зовут Николь.

Немец присвистнул, подумал и недоверчиво спросил:

– погоди, не хочешь же ты сказать...

– Да-да, меня познакомили с первой леди этой страны.

Немец присвистнул снова – на сей раз куда громче.

– Эх тебя угораздило!

– А что такого?

– Нет, он еще спрашивает – что такого? Ты знаешь, что это за создание?

– Она показалась мне весьма милой и даже застенчивой.

– Милой и застенчивой! – передразнил его Немец. – Сейчас я позову Клер, и попробуй повторить то же самое в ее присутствии. Да она после этого с тобой здороваться перестанет!

Немец в непонятном возбуждении вскочил со своего кресла.

– погоди, а где ты ее нашел? Вряд ли тебя приглашали в Елисейский дворец...

– Нас познакомил Ренн.

– Это старый барон, что ли?

– Да. Я был у него по своим делам, а Николь в это время заехала к нему в гости – они вроде бы какие-то очень дальние родственники.

– Вроде бы какие-то... – снова передразнил Немец. – Ну да, у нее родственники в каждом царстве, в каждом государ-

стве!

Ледников посмотрел на Немца с удивлением – что это его так разбирает?

– Слушай, а что ты, собственно, против нее имеешь?

– Лично я – ничего. Я только боюсь, что тебя ждут серьезные проблемы, если ваше милое знакомство продолжится.

– Интересно, какие? – благодушно спросил Ледников, прикидывая, можно ли раззадорить Немца еще пуще.

– Какие! Прямо так все тебе и скажи да всю правду доложи! Не знаю. Но чувствую, что вокруг нее и ее мужа заваривается какая-то каша. Что-то там творится, копится, пучится... А во что это выльется – не знаю. Пока. Как бы тебе в эту кашу не угодить, мой друг. Уж больно горяча!

– А ты не слишком фантазируешь? Смотри, заведут тебя твои конспирологические занятия за темные леса, за высокие горы, в глубокие норы...

Немец хмыкнул, просвистел какой-то мотивчик, недовольно буркнул:

– Ну смотри, петушок, золотой гребешок, маслена головушка, шелкова бородушка... Помнишь, чем сказочка-то кончается?

– Ну утащила лиса любопытного петушка за темные леса... И что?

– А то... Будешь потом хныкать: котик-братик, выручи меня!

– Ну и выручишь.

– Говорю тебе: каша там слишком горяча! Кипяток!
– Ладно, не пугай! Что у нас вечером нынче?
– «Мулен Руж», «Крези хорз», «Лидо». На выбор.
– Я смотрю, твои вкусы не меняются!
– Есть вещи, не подвластные времени, – с идиотской, как в рекламном ролике, серьезностью изрек Немец.

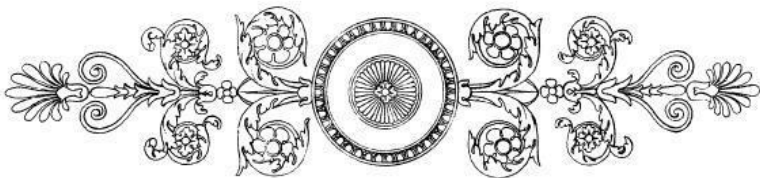
Весь вечер Ледников вспоминал встречу у старика Ренна, какие-то обрывки разговора, жесты, движение руки, поправляющей темные волосы, прощальное рукопожатие, оказавшееся неожиданно крепким, договоренность о новой встрече... Потом позвонил Ренн и после каких-то необязательных слов сказал:

– Николь сейчас очень трудно, она совершенно растеряна, а я слишком стар, чтобы ее поддержать. А вы... Вы ей очень понравились, друг мой. Она сказала, что вы совершенно не похожи на тех новых русских, которых она знала. Вы уж простите великодушно, но попросил бы вас как-то помочь ей. Надеюсь, я не очень затрудняю вас своей просьбой?

Тут не о затруднениях речь, подумал Ледников. Тут совсем другое... И старик это прекрасно понимает.

Глава 7

Юрий Иноземцев. Passer a tabac. «Пропустить через табак»

Голос был вежливый, вкрадчиво-предупредительный.

– Господин Иноземцев?

Он откликнулся с бодростью пенсионера, стремящегося убедить всех, что по-прежнему пребывает в полном порядке.

– Он самый. С кем имею честь?

– Вас беспокоит секретарь господина Гаплыка.

– Радость-то какая! – возликовал Иноземцев, хотя звонок по мобильному заставил его всерьез задуматься. Судя по всему, Роман Аркадьевич предупреждал не зря. Ребята решили не откладывать выяснение отношений в долгий ящик.

– Виктор Семенович очень хотел бы с вами встретиться.

– Когда?

– Если вы не возражаете, он будет вас ждать через полчаса

в баре гостиницы «Георг».

– Ну, допустим, я не возражаю. А какова будет повестка дня нашего саммита?

– Могу только сказать, что он хотел бы обсудить с вами проблемы антикварного бизнеса.

– Ну что ж, передайте товарищу Гаплыку, что я буду... Правда, могу немного опоздать, так как ваше предложение довольно неожиданно.

– Спасибо, господин Иноземцев. Я сообщу господину Гаплыку о вашем согласии. Всего доброго.

– Адье!

Проблемы антикварного бизнеса с ним обсуждать, зло подумал Иноземцев. Ишь чего захотел, козлина! Нет, мы с тобой если что и будем обсуждать, то только виды на урожай озимых и рост поголовья крупного рогатого скота. Эти темы тебе доступнее будут!

В советские времена товарищ Гаплык делал карьеру в качестве второразрядного чиновника в Министерстве сельского хозяйства. С наступлением новых времен он принялся эксплуатировать новую золотоносную жилу – совмещение государственной службы и частного бизнеса. Наплодив тучу фирм и фирмочек, стал, используя свое служебное положение, выбивать для них всевозможные преференции, льготы и прочие радости. Звездный час его наступил, когда на страну обрушился дефолт. Правительство обратилось к зарубежным партнерам с просьбой о безвозмездных поставках про-

довольствия и товарных кредитах. Соответствующие соглашения были подписаны, а «проработкой деталей механизма поставок» занялись ответственные товарищи, среди которых был и наш товарищ Гаплык.

«Механизм» получился хоть куда. Продовольствие, поступавшее в качестве дара или в виде товарного кредита, доставалось лишь нескольким приближенным фирмам, которые реализовывали его по самым рыночным ценам. Большинство из них потом просто пропали вместе с товаром на десятки миллионов долларов. Зато товарищ Гаплык приобрел себе несколько квартир в Москве, поместье в Подмосковье и, как и полагается бывшему советскому работнику, шикарную квартиру на Елисейских Полях. Денег с лихвой хватило не только на них, но и на приобретение пакетов акций лучших предприятий отрасли. Опять же – используя служебное положение и запугивая несогласных. После этого Гаплык ушел в тень, проводил большую часть времени в Париже, завел себе секретаря, основной обязанностью которого было доставлять молоденьких проституток из России, и был уверен, что он теперь будет в полном шоколаде до самого схождения во гроб.

Но обиженные им в свое время люди потихоньку пришли в себя, собрались с силами, нашли смелых партнеров и решили отыгаться. Иноземцеву довелось им помочь, предоставив кое-какую важную информацию. Очевидно, откуда-то Гаплыку это стало известно... Откуда? Судя по все-

му, оттуда же, откуда это узнал уважаемый Роман Аркадьевич. Среди его коллег, видимо, оказался человек, с Гаплыком повязанный прошлыми подвигами или им подкармливаемый.

Но не об этом сейчас надо было беспокоиться. В данный момент нужно было срочно и навсегда отбить у Гаплыка охоту выяснять отношения с мсье Иноземцевым. «Passer a tabac» – «пропустить через табак», как говорят во французской полиции, то есть допросить с пристрастием, не стесняясь в способах, включая меры физического воздействия.

Гаплык знает о «Третьем Риме» и, значит, может прислать туда своих подручных и, не дай бог, напугает маленькую Клер.

Потому, собственно, Иноземцев и согласился встретиться с Гаплыком немедленно. Пока еще ничего не произошло с Клер. Дело в том, что, по некоторым сведениям, особо злостно уклонявшиеся от сотрудничества с Гаплыком люди зачастую попадали в весьма неприятные ситуации, заканчивавшиеся серьезными моральными и физическими травмами. Товарищ Гаплык был не чужд brutальных способов решения деловых и хозяйственных споров. Правда, прямых доказательств его участия у Иноземцева не было. Но ему было достаточно и подозрений.

Оставив машину в переулке, Иноземцев вошел в отель, где ему приходилось уже бывать. Бар располагался так, что

вход в отель из него не просматривался, поэтому его появление вроде бы никто не должен был проконтролировать. Он пристроился к группе немцев, бессмысленно слонявшихся в холле в ожидании размещения, и быстро оглядел помещение бара.

Гаплык сидел за столиком в самом углу. Его постную, расплывшуюся морду в дорогих очках, с едва заметным лбом и отвислыми мешками щек Иноземцев узнал сразу. Густые, будто смазанные чем-то липким черные волосы у бывшего ответственного работника росли чуть ли не от самых бровей, так что нечеловечески ровный пробор в них ближе к переносице выгибался дугой. Сельхозтоварищу было уже за шестьдесят, но в его гриве не было ни одного седого волоса. Видимо, совесть его по ночам не мучила.

– А вот и я! – радостно выпалил Иноземцев. Он плюхнулся в кресло и уставился на Гаплыка широко открытыми, как у невинного младенца, глазами. – Готов выслушать предложения! Ведь вы ради этого меня сюда заманили?

В мешках сероватых щек зародилось какое-то клокотание, а потом Гаплык пробурчал что-то вроде того, что его интересуют некоторые антикварные вещи, которыми салон Иноземцева, по его сведениям, располагает...

В этот момент в бар вошел какой-то человек и устроился за столиком у самого входа. Иноземцев сразу насторожился. Если это был подручный Гаплыка, позицию он занял весьма

удачную.

Особенно если учитывать, что сесть Иноземцеву пришлось напротив Гаплыка прямо под светильником и рассмотреть его можно было во всей красе.

Вот теперь все стало понятно. Встреча была затеяна именно для того, чтобы предъявить его нужному человеку. Пока Гаплык нес какую-то чепуху про свое давнее увлечение антиквариатом, Иноземцев успел разглядеть наблюдателя. Вывод был неутешительный.

Там сидел не телохранитель и не вышибала с пудовыми кулачищами и бычьей шеей. Это был не очень приметный, жилистый мужчина в светлой спортивной куртке. Лет этак сорока, с очень внимательным и очень спокойным взглядом. И очень экономными, предельно точными движениями. У него были повадки профессионального киллера. Иноземцеву приходилось таких видеть, и ошибиться он не мог. Ясно было, что киллер уже придумал, где и когда разделается со своей глупой жертвой. Такой уже не отпустит...

Иноземцев резко встал. Гаплык растерянно уставился на него.

– Вы извините, – сказал Иноземцев, болезненно морщась, – что-то живот прихватило. Придется бежать в туалет...

Произнес он это достаточно громко, дабы сомнений ни у кого не было, а проходя мимо столика у входа, с виноватой гримасой даже развел руками – мол, бывают же такие непри-

ятности. Мужчина в куртке сочувственно улыбнулся. Значит, по-русски понимает... Что и требовалось доказать! Наверняка гражданин прибыл с просторов необъятной родины.

Иноземцев помнил, что дверь туалета открывается здесь внутрь. Чуть ли не бегом он ввалился в туалет, краем глаза успев заметить, что в конце коридора появилась быстрая и ловкая фигура.

Глубоко вздохнув, он прижался к стене у самой двери – так, чтобы, распахнувшись, она закрыла его от глаз вошедшего.

Киллер входить не спешил. Видимо, давал Иноземцеву время основательно расслабиться на унитазе. Человек со спущенными штанами не приспособлен для какого-либо серьезного сопротивления.

Наконец дверь распахнулась, и киллер бесшумно шагнул внутрь. Первое, что Иноземцев увидел, был пистолет с глушителем, который тот держал перед собой двумя руками. Можно было попробовать выбить его ударом ноги, но делать этого Иноземцев не стал. Не в кино. Конечно, он способен кое на что в драке, но не с профессионалом. Мужика надо было просто вырубить сразу. Одним ударом. Любой ценой.

И когда перед ним возникла спина в светлой куртке, он уже не раздумывал – просто прыгнул на киллера и всем телом толкнул на дверки кабинок. От сильного толчка тот буквально протаранил ближайшую дверь, врезался со всего раз-

маха головой в стену и рухнул на кафельный пол.

Пистолет выпал из его рук и отлетел в сторону. Иноземцев тут же подобрал его и направил на киллера. Если бы тот чуть дернулся, он выстрелил бы в него сразу, не раздумывая.

Но киллер не шевелился. Что ж, это и впрямь не кино. Головой об стену от неожиданного удара сзади – это впечатляет. Даже хоккеистов в доспехах и шлемах после такого упражнения уносят на носилках.

Надо было решить, что делать с киллером, когда тот очуется. Выпытывать какую-то информацию? Какую? Что он мог рассказать? Оставить его в туалете? Если он быстро придет в себя, то примется за свое снова. Если он серьезно ранен, то попадет в руки полиции, и кто знает, чем это закончится? Выбора не было... Безмолвный труп – лучший выход из создавшегося щекотливого положения.

Иноземцев медленно подошел к валявшемуся на полу человеку поближе. Голова у него была неестественно вывернута. Чересчур неестественно, чтобы надеяться на лучшее. Видимо, шея была сломана. Человек вдруг засипел, замычал, на губах у него вздулись кровавые пузыри.

Иноземцев присел на корточки и участливо спросил:

– Тебя кто послал-то, друг? И что я тебе сделал?

Киллер косился на него громадным лошадиным глазом. Вряд ли, конечно, такой что-нибудь скажет...

Но тот вдруг прохрипел:

– Дочь...

– Так нет у меня дочери, один я на этом свете, – пожал плечами Иноземцев. – Может, ошибся ты, а?

– Не... ты... там...

Больше он уже ничего не сказал, лишь конвульсивно дернулся и замолк. Иноземцев встал и сунул пистолет в карман. Идеальный вариант – пусть полиция думает, что человек просто, спеша на унитаз, поскользнулся на мокром кафеле и в результате полученных травм отошел в мир иной. И никакого оружия...

Теперь самое главное было смотаться побыстрее, чтобы никому не попасться на глаза. Он ополоснул руки, поправил волосы и, что-то насвистывая, вышел из туалета.

Вернувшись в бар, Иноземцев уселся на прежнее место и молча уставился на Гаплыка. Когда тот пришел в нужное состояние и стал беспокойно ерзать в своем кресле, будто наделал в штаны, вежливо спросил:

– Ну и что же мы теперь будем делать?

У Гаплыка дрогнули щеки-мешки.

– Я не понимаю...

– Знаете, я тоже не понимаю, зачем вы решили меня убить? – недоуменно спросил Иноземцев.

– У... у...

– У... у... – передразнил его Иноземцев. – Чего вы на меня набросились, как ненормальный?

Да еще киллера из России выписали? Что случилось-то?

Лицо Гаплыка вдруг стало бледнеть, потом оно посерело и покрылось крупными каплями пота. Иноземцев без особого любопытства наблюдал за биохимическими реакциями в чиновничьем организме.

Потом Гаплык стал чернеть. «Как бы товарища удар не хватил! Только второго трупа тут не хватало!» – усмехнулся про себя Иноземцев и сказал:

– Да, кстати, ваш друг с пистолетом уже не вернется. Он покинул нас навсегда. Так что теперь вам придется решать ваши вопросы самостоятельно, без его квалифицированных услуг.

У Гаплыка принялась дрожать челюсть. Да, товарищ был явно не боец и в поле никогда не работал. Не полевой был командир, а кабинетный. Крови и физического контакта не пробовал.

– Не я! Это не я! – отчаянно прошептал он, прижимая руки к толстой бабьей груди. – Я ничего не знаю. Я действительно хотел про картины... Деньги вложить! Мне сказали, что очень выгодно. Поверьте!

Ну да, так мы тебе и поверили! Сейчас мы тебя будем пугать. До смертной икоты, до мокрых штанов. На всю оставшуюся жизнь.

– У меня в кармане пистолет вашего убийцы, – сказал Иноземцев. – С глушителем. Я сейчас выстрелю вам в брюхо, и никто ничего не услышит. И оставлю вас тут подыхать. Теперь Гаплык принялся икать.

– Но я могу убить тебя, гнида, и голыми руками. И мне за это ничего не будет. Потому что я агент ДСТ... Знаешь, что это такое?

Гаплык испуганно кивнул. Строго говоря, агентом французской контрразведки Иноземцев, конечно, не был, но в данной ситуации некоторое преувеличение было прости-тельно.

Потом он решил поддать пару и перешел на сиплый шепот:

– Я могу тебя оставить в живых, если ты...

Гаплык замер, как суслик – столбиком.

– ...если ты, старый кретин, вообще забудешь о моем существовании. Еще раз появишься у меня на глазах, придушу сразу или в Сене утоплю... Или в контрразведку сдам – там из тебя весь жир вытопят.

Гаплык смотрел выпученными от страха глазами и только кивал башкой, как китайский болванчик.

– Обходи меня стороной и вообще забудь мое имя. Я сегодня добрый, а то бы положил тебя сейчас рядом с твоим дружкой у одного унитаза...

Иноземцев встал, взял свой стакан с водой и медленно вылил ее прямо на светлые штаны Гаплыка. Если дядя не обмочился до этого, то теперь мог вдоволь насладиться соответствующими ощущениями...

Уже в машине Иноземцев вдруг подумал, что с Гаплыком

он, пожалуй, перебрал. Тот, видимо, действительно не при делах. Все-таки самому демонстрировать жертву киллеру – это не его методы. Он на такое не способен. А значит, его, Иноземцева, просто выследили. Значит, за ним охотятся. И заказ остается в силе.

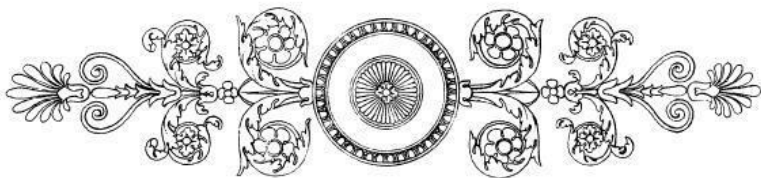
Он просто сидел, положив руки на руль, и даже не пытался завести машину. Ему теперь не спешить надо, а думать, пока не пристрелили или не взорвали. Так кто и почему его заказал? Что сказал киллер перед смертью? Во-первых, он ясно сообщил – ты... Значит, объект безусловно ясен. А еще он сказал – дочь... Что за дочь? Чья дочь? И при чем тут товарищ Иноземцев?

Он посмотрел на часы и понял, что ему надо быстро и незаметно утопить пистолет в Сене. А затем отправляться в «Третий Рим», куда должен заехать школьный друг Валька Ледников, с которым они когда-то пережили все ужасы и прелести подросткового возраста в далекой, холодной и суровой стране, которая была их родиной. И то, что Ледников был еще недавно следователем по особо важным делам, в нынешнем положении очень кстати. Глядишь, поможет разгадать подкинутую киллером загадку.

Глава 8

Валентин Ледников. Vivre comme dieu en France

Жить, как бог, во Франции

Утром Немец показал Ледникову содержимое портфеля старика Будрийона... Но сначала поведал кое-что о самом Будрийоне.

Немец знал от своих знакомых во французской полиции, что коллеги старого следователя недолюбливали. Он был сварлив, высокомерен, дотошен до ненормальности и слишком много о себе думал – непрерывно всех поучал. В свое время все облегченно вздохнули, когда его отправили со специальным заданием в Колумбию – помогать тамошнему правительству бороться с бандитами.

Будрийон проторчал там почти два года, получил орден на грудь, но местные банды как свирепствовали, так и про-

должали свирепствовать. Все понимали, что вины Будрийона в этом нет, никто на его месте не мог бы сделать большего. Ведь на место одного убитого или задержанного бандита тут же находились толпы других. Причем членство в банде надо было еще заслужить, там была целая очередь из безработных...

И хотя все было понятно, Будрийону намекнули, что результаты его деятельности не вдохновляют начальство, возраст приближается к пенсионному и потому пусть заканчивает свой славный путь полицейского на бумажной работе.

Будрийон и на новом месте пытался изображать из себя великого сыщика, но на него никто уже не обращал внимания, и при первой же возможности спровадили на пенсию. Для самолюбивого старика это был удар. Тем более что теперь он получил возможность ежедневно думать о горестной судьбе своей несчастной дочери Собин, выросшей без матери, – некрасивой, одинокой, отчаявшейся.

В Колумбии поначалу Будрийон работал вместе с неким Граном...

– Граном? – переспросил Ледников. – Это тот самый Гран?

– Тот самый, – без всякой радости подтвердил Немец.

Ледников достаточно много знал про этого человека. Гражданин Израиля, бывший полковник десантных войск, участник боевых действий и тайных операций. Уволившись из армии, занялся собственным бизнесом. Причем весьма

своеобразным. Например, отправился в Колумбию – по договору с правительством обучать мирных скотоводов способам охраны своих пастбищ от набегов бандитов и членов всевозможных повстанческих армий, тоже промышлявших во имя революции элементарным разбоем. Но довольно скоро выяснилось, что бывший десантник обучал не столько мирных скотоводов, сколько боевиков и телохранителей колумбийских наркобаронов. В курс подготовки «скотоводов», оказалось, входили такие предметы, как закладка взрывчатки, минирование автомобилей и спецметоды ликвидации «объектов». Мало того, Гран сколотил там несколько вооруженных групп, которые занимались грабежом и разбоями то под видом повстанцев, то под видом бойцов наркобаронов – для него между ними не было никакой разницы. И долгое время никто не мог догадаться, кто стоял за неуловимыми бандитами.

Его хотели судить, но он бежал. Его приговорили заочно к двадцати годам заключения. Он вернулся в Израиль и скоро попал в тюрьму за «незаконный экспорт знаний, имеющих оборонное значение». Срок ему, правда, дали небольшой, учитывая прежние заслуги. Потом он объявился в Африке, где вооружал местных боевиков в обмен на алмазы. Его пытались схватить, но он опять сумел скрыться. Подделка документов и мошенничество, в которых его также обвиняли, на этом фоне выглядели безобидным баловством. Интерпол объявил его в розыск, однако схватить его никак не

удавалось.

В общем, у Грана был свой почерк, вполне узнаваемый. Он обычно появлялся там, где пахло войной, сколачивал собственные вооруженные подразделения и начинал грабить всех, кто попадал под руку, пользуясь хаосом, который неизбежно сопровождает всякую революционную борьбу или гражданские беспорядки. И горе было той стране, где он объявлялся. Его привлекали не только деньги, ему надо было убивать и посылать людей на смерть, ему нужны были солдатики, которыми он мог бы командовать.

– В Колумбии Гран водил за нос именно Будрийона, – задумчиво сказал Немец. – Делал вид, что борется с бандитами, а сам занимался не охраной мирных тружеников, а грабежом, вымогательством и шантажом... А Будрийон честно считал его своей правой рукой.

Когда все это стало известно, Будрийон пришел в ужас от открывшихся обстоятельств – банды Грана действовали с умопомрачительной жестокостью, списывая собственные преступления на боевиков. Будрийона замучили стыд и уязвленное самолюбие – как же он мог так ошибиться! Но схватить Грана ему тогда не удалось, тот скрылся. И вот...

– И вот он встречается его в Париже, – закончил за него Ледников.

– Судя по всему, – согласился Немец. – И старик сразу воспарил – теперь он сможет дать ход тем страшным документам, которые вывез из Колумбии и хранил все эти годы...

Потом Ледников и Немец долго рассматривали выворачивающие душу фотографии, копии протоколов, в которых подробно описывались зверства, творимые выродками Грана, копии допросов и свидетельских показаний, и скоро просто отупели от обилия жестокой информации.

– Знаешь, на месте Будрийона я бы тоже свихнулся от ненависти, – признался в какой-то момент Ледников.

– Давай решать, что с этим делать, – задумчиво сказал Иноземцев, разглядывая фотографию, на которой была изображена счастливая, до встречи с Граном, колумбийская семья – улыбающийся мужчина, женщина с типичной индейской внешностью и двое маленьких детей. На первом плане девочка в белом платице смотрела прямо в камеру неподвижными глазами, а мальчик испуганно прятался ей за спину. Надпись на оборотной стороне снимка гласила, что это семья учителя Мигеля Гурдадо. Следующий снимок был ужасен. Изуродованные тела учителя, его жены и сына во дворе сожженного дома... Тела девочки не было, и страшно было подумать, что с ней сделали обкуренные бандиты. Надпись на этом снимке объясняла: бандиты расправились с семьей учителя, потому что он пытался организовать отпор боевикам, формируя из крестьян отряд местной самообороны...

– А что тут решать? – пожал плечами Ледников. – Теперь понятно, почему Гран решил убрать Будрийона, почему его человек пришел к Собин. И почему теперь идет охота на те-

бя. Теперь ты понял, о какой дочери говорил тебе киллер?

– О дочери Будрийона...

– Вот именно. Для Грана эти документы – приговор. Если они попадут в полицию...

– Думаешь? – с сомнением сказал Иноземцев.

– А ты так не считаешь? – удивился Ледников.

– А я не знаю, что Гран делает в Париже. И по чьему приглашению? А может, полиция в курсе его пребывания? Более того, он с ней сотрудничает?.. Мало ли для чего он им понадобился! Ты знаешь, почему никто тут не трогает моего приятеля Клифта, за которым в России такие грехи числятся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.